
Е. В. БАКШУТОВА

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ МЫСЛЬ», 1880–1918 ГОДЫ)

«Русская мысль» – журнал, представляющий различные направления социально-политической мысли и внесший существенный вклад в формирование интеллигенции как социальной группы. На основе анализа авторского, тематического, жанрового состава журнала и его динамики рассматривается психология русской интеллигенции конца XIX – начала XX веков.

Для каждого поколения интеллигенции, очевидно, есть свой золотой, но безвозвратно ушедший век. Особенно заметно это сегодня, когда «интеллигенция уже не может претендовать на то, чтобы знать за других или мыслить за них, а затем патерналистски защищать или просвещать их, сообщая готовую абсолютную истину или гуманистическую мораль» (Мамардашвили 1992: 333).

Общепринятого определения понятия «интеллигенция» не существует. Есть формальные характеристики, связанные с родом занятий, деятельностью представителей этой группы по производству интеллектуальных и духовных ценностей, и содержательные, психологические, обусловленные прежде всего системой ценностей. При этом исследователи подчас приписывают интеллигенции диаметрально противоположные черты.

Трудность изучения усугубляется тем, что исследователь не может быть вполне отделен от объекта своего исследования: он неизбежно включается в «интеллигентский» дискурс. Мы предприняли попытку социально-психологического анализа, обратившись к конкретному историческому периоду (конец XIX – начало XX веков), когда интеллигенция осуществляла рефлексию своих собственных смыслов, «постоянно вступая в смысловое соотношение с самой собой в процессе исторического саморазвития» (Кондаков 1999: 73), и к конкретному историческому источнику,

тоже относящемуся к разряду исключительно русских феноменов, – литературно-политическому журналу «Русская мысль».

Сакральное отношение к слову, литературное мифотворчество, текстуально опосредованная коммуникация всегда характеризовали российскую интеллигенцию. Слабость общественных институтов, законов, определяющих нормы и формы взаимоотношений государства и народа, наложила отпечаток не только на экономическое и политическое развитие страны, но и на ее психический склад. Ограничение социальной активности периодически приводило к тому, что групповая деятельность интеллигенции вынужденно осуществлялась на страницах художественных или публицистических произведений. «Честолюбцы столпились в литературе именно потому, что жизнь языка в русской исторической действительности перевешивала все остальные возможные аспекты деятельности полнотой существования» (Берг 2000: 193).

При этом вместо гражданского общества конструируется семиотическая среда, где реальность олитературивается, на смену объективной фактографии и научному анализу приходит синкретический конструкт идеологии, политики, литературы и науки. Беллетризация общественной мысли, сама по себе бывшая симптомом недоразвитости страны и политической приниженности общества, стала важнейшим культурным механизмом формирования личности. Общественная жизнь регулировалась литературой, интеллигенция через текст создавала и осознавала свою социальную биографию.

Психологический портрет русской интеллигенции (нигилизм, отщепенство, противогосударственность, героизм, фанатизм, безрелигиозность, жажда социальной справедливости и др.) постепенно формировался и сформулировался на страницах литературно-политического издания «Русская мысль» (1880–1918 годы). Значение этого журнала в развитии и самоопределении русской интеллигенции дореволюционных десятилетий уникально. Будучи одним из самых авторитетных и долго живущих «толстых» журналов конца XIX – начала XX века, он не только описывал психологию образованной России, но и формировал ее. На страницах журнала создавался образ интеллигенции, оттачивались ее определения, бушевала полемика относительно ее характера и психологического склада. Уникальность издания состоит в том, что это был журнал об интеллигенции, для интеллигенции и создавался интеллигенцией как коллективным автором.

В журнале прежде всего открыто обсуждаются проблемы интеллигенции. Такое обсуждение складывается в психографию – самописание. Но журнал представляет и психологию, объективированную текстом и раскрывающуюся в параметрах письменной ментальности – темпоральность, авторская, жанровая, тематическая динамика – в том, что может быть целно воспринято лишь с «позиции внаходимости» (Гуревич 2005). В текстах журнала осуществляется социально-психологический дискурс русской интеллигенции, здесь она формируется в качестве социальной группы: сначала это выходцы из дворянства и духовного сословия, затем – учителя, врачи, инженеры, мелиораторы, ученые. Однако речь скорее идет об отдельных личностях в их профессиональных интеллектуально емких контекстах. В целом же группа как субъект действует только в пределах собственного дискурса, самоописания, саморефлексии, самоидентификации.

В эмпирическом исследовании нами использовалась модель «наррадигмы» (Шкуратов 1997) письменной ментальности, которая позволила, с одной стороны, выявить позицию «Русской мысли» относительно общей культурной традиции, а с другой – раскрыть психодинамические фазы собственно интеллигентского дискурса, представленного журналом.

Известно, что различным социальным, экономическим, политическим укладам жизни соответствуют разные по своему содержанию и длительности типы ментальности (гетерохронность). «Быстрая» ментальность отмечает вновь создаваемые культурные артефакты. К литературе «быстрой» ментальности принадлежат авторы, чьи тексты впервые прочитываются, отбираются читателями и рецензентами для суда истории. «Средняя» ментальность содержательно совпадает с национально-историческим каноном, частично – с религиозным, литературным, музыкальным и обнаруживается в текстах, имеющих в культуре статус канонических. «Медленная» ментальность зафиксирована в текстах, которые считаются образцами уже несколько веков, в монографиях специалистов. Содержание письменной ментальности отражено в динамике наррадигмальных циклов в культурно-историческом контексте, представленных фазами: апокрифической, канонической, гуманистической, гуманитарной и фазой человекознания (Там же).

Мы имеем дело с журналом, т. е. с живым дискурсом, и поэтому здесь не удалось зафиксировать такие фазы социодинамической модели взаимоотношений текстов и общества, как гуманитарная

и фаза человекознания, поскольку последние связаны уже с устоявшимися, законсервированными текстами. Это те фазы наррадимы журнала «Русская мысль», которые раскрывают диалогические взаимоотношения культуры, ценностей и общества.

Чтобы определить психологический портрет интеллигенции, складывающийся в дискурсе журнала, потребовалось выявить круг имен, который участвовал в его создании. Для этого были проанализированы: весь авторский состав (377 русских писателей и поэтов, 316 – зарубежных, 1211 публицистов), упоминаемые персоналии (2350 имен), жанры, тематический состав издания и их динамика во времени.

Большинство авторов выступают объектами интеллигентской картины мира, контекстом, в котором протекает рефлексия интеллигенцией своей собственной социальной роли. В интеллигентском дискурсе участвуют субъекты – канонические авторы самого издания, выражающие типичные психологические черты интеллигенции, победившие (продолжительно и интенсивно публикующиеся в журнале) в борьбе за создание ее психологического портрета. В этой борьбе отражается процесс складывания интеллигенции как социальной дискурсивной общности, включающий в себя три периода. Критериями нашего деления на периоды выступают: исторические данные; периодизация, принятая в истории журналистики; данные, полученные при качественном и количественном анализе изучаемого материала. Таким образом, мы определили периодизацию как содержания журнала «Русская мысль», так и психографии интеллигенции, дискурса либерализма и др.: I период – 1880–1890 годы; II период – 1891–1905 годы; III период – 1906–1918 годы.

Наше исследование выявило авторов, наиболее популярных в конце XIX – начале XX века. Некоторые (но не все) сохранили свою известность и значимость до наших дней (среди них П. Д. Боборыкин, Н. К. Бобылев, В. Я. Брюсов, З. Н. Гиппиус, В. И. Немирович-Данченко, И. Н. Потапенко, И. А. Салов, Н. Северин, Д. Сибиряк, Н. И. Тимковский, А. Тыркова, Г. И. Успенский, А. П. Чехов, А. И. Эртель). Но и те, о которых сегодня мало помнят, в свое время были авторами каноническими, участвовавшими в создании интеллигентской психографии.

Очевидно, что художественные произведения, публикуемые в журнале «Русская мысль», не только отражают современное эстетическое мировосприятие интеллигенции, но и осуществля-

ют преэминентность традиций русской культуры, значимых имен, закрепляют ценности российской ментальности. Научные же статьи и публицистика отображают преимущественно актуальный, изменяющийся во времени образ мира, социальные представления, идеалы, идеологию. Изучение художественной прозы, опубликованной в «Русской мысли», и анализ ее авторского состава показывают, что многие из имен прозвучали один-два раза, не закрепившись ни на страницах журнала, ни в истории культуры в целом. Этот круг авторов (увеличивающийся к 1909–1910 годам) представляет слой индивидуальных нарративов, случаев, эпизодов, человеческих историй; отражает чувственную сферу ментальности русской интеллигенции и относится к типу «быстрой» ментальности.

Произведения авторов, считавшихся к 1880-м годам классиками (А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др.), в журнале практически не публикуются, но им посвящаются критические статьи, биографические заметки, исследования, объединяющие одновременно несколько имен (например, Гоголь, Паскаль и Руссо). Тем самым в «Русской мысли» поддерживается «медленный» слой письменной ментальности, составляющий канон мировой культуры. Выявленные в ходе исследования категории и количество упоминаемых персоналий отражают систему авторитетных образцов, определяющую отношение интеллигенции к русской и западной традиции просвещения и культуры. Поскольку действительность не представляет образцов для подражания, то «нет ничего удивительного в том, что в наше глухое время замершей на поверхности жизни главными общественными событиями являются смерти и похороны, и юбилеи умерших» (В России... 1910: 149).

Самую значительную группу (57 %) составляют беллетристы, философы, деятели культуры и искусства, историки – те, кому отводится роль в описании, анализе и интерпретации действительных фактов; 14 % представлены государственными и политическими деятелями, т. е. теми, кем принимаются решения и направляется политический дискурс; 7,6 % – учеными и 7,9 % – людьми, связанными с непосредственным устройством и воплощением принятых и описанных решений. Такое распределение отражает направленность русской интеллигенции в сферу изящную и умозрительную, скорее в дискурс литературно-политический, чем в политический или «производственный». И хотя ни Пушкин, ни

Толстой не представляли «интеллигенцию», последняя без них не состоялась бы, поскольку «интеллигенция является скриптосообществом, т. е. исторически, социально, культурно и психологически вырастает из субстрата письменной культуры» (Шкуратов 2006: 248).

Таким образом, корпус имен, существующий в журнале, может рассматриваться не столько как совокупность индивидуальных талантов, сколько как проявление социального функционирования литературы, ее участия в формировании русской интеллигенции и ее сознания. Это касается и авторов научных и публицистических материалов. Заметим, что из 1211 авторов – ученых, политических, государственных деятелей, публицистов – 56 % опубликовали в журнале по одной работе. И только 2,2 % авторов действительно формировали и редакционную политику, и политический дискурс «Русской мысли».

Исследование показало, что круг авторов-беллетристов, опубликовавших на страницах журнала только одно произведение, расширяется от I ко II и особенно к III периодам. Можно утверждать, что 1880–1890-м годам свойственны характеристики «медленной» ментальности, тяготение к традиции, к эпическим формам, постоянному, «знакомому» писательскому корпусу. При этом, судя по интенсивности и продолжительности публикаций, в журнале происходит отбор авторов, которые в дальнейшем войдут в канон русской литературы (Чехов, Брюсов), т. е. в «медленную» ментальность, ее базовый слой. С началом 1900-х годов круг авторов расширяется, в него все чаще включаются новые имена; количество же постоянных «старых» авторов уменьшается, что свидетельствует о переходе журнальной ментальности в «быструю» темпоральность.

Этот переход подтверждается и жанровой динамикой. Хотя в 1905–1918 годах роман не теряет полностью своего значения, заметно увеличивается количество рассказов и других малых литературных форм (с 20 до 46 % всех художественных публикаций), уменьшается объем публицистических статей, политизируется их содержание. Кроме того, проза 1880–1890-х годов провозглашала не только эстетические ценности, но и «служебные», что соответствовало популярной в те годы теории «полезного искусства»: «...Из всех современных критиков я более всех защищал принцип служебного, нравственно-утилитарного значения искусства» (Протопопов 1893: 216). Художественные произведения напоми-

нают программные документы или репортажи. «А вы подумайте, маменька... Выучусь я всему-всему, что знать нужно. Буду я птица вольная, куда ветер потянет, туда и полечу! А буду акушеркой, сколько людям добра-то сделать могу!» (Елпатьевский 1901: 16). «Вот у меня какая неприятность вышла: получил замечание за то, что свою служебную обязанность исполнил. Ехал в первом классе управляющий пароходной компанией по бесплатному неправильному билету. Я ему вежливо заметил, что билет неправильный, а он вскипятился, точно я ему обиду нанес. Я билета ему не отдал, представил к доплате... Он заплатил все, как следует, а я билет препроводил при рапорте... исполнил свой долг... так ведь?» (Иванович 1898: 15).

С началом XX века публицистические материалы приобретают черты изящной словесности, оформляются как эссе. «Плеве отлично понимал, что и съезд гинекологов или хирургов чреват большими опасностями для самодержавия, так как и гинекологи могли вынести политические резолюции и заявить, что при существующих государственных порядках они не в состоянии выполнять как следует свои обязанности» (Изгоев 1907: 162). «А. Белый что-то новое почуял в русской стихии, в русской народной жизни, какую-то жуткую страсть, скрытую от русской литературы народнической полосы. Эта жуткая страсть, сладострастие томящегося духа таится не только в русском мистическом сектантстве, но и вообще в русской народной стихии» (Бердяев 1910: 105).

Важнейшим этапом нашего исследования было создание тематической базы данных по нехудожественным материалам. Мы использовали все тексты, кроме объявлений, библиографий, сообщений о событиях, происходящих в царской семье, – кончины, бракосочетания и т. п. В качестве единицы анализа рассматривалась каждая отдельная публикация, помещенная в номере. Нами было выделено 6222 единицы для качественного анализа документов. Выявлены следующие темы и субтемы.

«Общество и экономика»: экономика и хозяйство; финансовая политика; промышленность; муниципальное хозяйство; кустари и артели; вопросы крестьянской жизни; община; переселенческий вопрос; продовольствие и борьба с голодом; бедность и благотворительность; рабочие; гигиена и здравоохранение; закон и справедливость; образование и воспитание; уголовный мир, тюрьма и ссылка; женщины; дети.

«Политика»: международная политика; внутренняя политическая жизнь; война и военная организация; революция; социализм; государство; национальный вопрос и национальная идея; земство; печать.

«Наука»: экономическая теория; научные знания, социальные институты науки; философия; исторические исследования; проблемы эволюции и прогресса.

«Художественная культура»: литературная жизнь; искусство.

«Страны и народы»: иностранная жизнь, края и их обитатели.

«Идеология»: религия; мировоззрение; нравственность и нравы; национальный вопрос, национальная идея; интеллигенция.

«Персоналии» отражают представления интеллигенции о мире и о себе, ее систему ценностей, идеологию, традиции, деятельность и проекты.

Тематический тезаурус журнала был распределен в рамках бинарных позиций: «логика – аксиология», «факты – идеи». Циркуляция текстов внутри этих систем, нисходящий – восходящий ряд «социокультурного порождения психики» (по В. А. Шкуратову) и составляет особенность ментальности русской интеллигенции, объективированную – в нашем случае – в журнале «Русская мысль».

Исследование аксиологического (эмоционально-оценочного) компонента тематического содержания выявило нарастание аксиологических акцентов во всей проблематике. Впрочем, этот процесс не был ни прямолинейным, ни всеохватным. Наименее аксиологизированными оказались публикации II, «оптимистического», периода (1891–1905 годы), когда большее внимание в журнале стало уделяться актуальным вопросам социально-экономической жизни страны. Уровень аксиологизации повышается в темах социальной жизни: воспитание и образование, женщины, дети, уголовный мир, здравоохранение, продовольственный вопрос и др.; получает развитие «теория малых дел», интеллигенция находит себе применение в институализированных общественных структурах.

Публикации I (1880–1890 годы) и III (1906–1918 годы) периодов носят наиболее высокий эмоционально-оценочный характер. При этом в I период наибольшим уровнем аксиологии отмечены темы экономического спектра: крестьянская жизнь, община, финансы, промышленность и т. д., что определяется связью интеллигенции с народнической традицией, с пониманием своего назначения как служения народу. В III период максимальной аксио-

логизации достигает проблематика, связанная с политическими и идеологическими вопросами: внутренняя политическая жизнь, война, земство, революция; более того, через призму политической жизни рассматривается вся сфера духовной жизни: религия, литература, философия, искусство. Революционные события порождают у интеллигенции чувство вины, поиск ошибок и идею национализма как политического эроса.

Обратимся к одной из субтем с наибольшим уровнем аксиологии – «Вопросы крестьянской жизни». Для I периода характерны обзорные материалы («Экономический быт крестьян Рославльского уезда Смоленской губернии», «Крестьянское землевладение на Крайнем Севере», «Крестьяне в Балтийском крае», «Подробности аграрного вопроса в Черноземной России» и др.) и публицистические циклы Г. И. Успенского, Н. В. Шелгунова, Н. К. Михайловского, в которых читатель знакомится с ужасным положением освобожденного, но по-прежнему угнетенного класса крестьян.

Из 65 выделенных нами единиц анализа по «вопросам крестьянской жизни» (17,8 % в теме «Общество и экономика» и 5,2 % всего тематического тезауруса) в I период 25 публикаций посвящены подробностям аграрного развития различных регионов России, 21 – выкупным платежам, нормам земельных наделов и экономическим последствиям крестьянской реформы, организации крестьянских банков, 3 публикации – статистического характера; 4 единицы представляют собой критику новой литературы по вопросам сельского хозяйства. При этом, например, статья по поводу книги «Организация полевого хозяйства» содержит такое высказывание: «...русская интеллигенция – совершенные иностранцы в родной земле» (1880, № 5). Остальные публикации (13 единиц) – «Очерки русской жизни», в которых одновременно освещаются пушкинский юбилей, освобождение крестьян, роль кабака в крестьянской жизни, а также ряд художественных очерков: «Крестьянское царство» (В. И. Немирович-Данченко), «Дохнуть некогда!» (Г. И. Успенский).

Для I периода характерен образно-лозунговый стиль нарратива: «Народ молчит и только глухим, отдаленным шумом дает знать...», «Капитал не знает народного духа, ему нет дела до верований и надежд, волнующих народ...», «Ого! Воскликнет читатель, да если бы дело освобождения вести таким аллюром...» Обязательно присутствие в тексте идей, провозглашающих слу-

жение народному благополучию: «...крестьянское дело только тогда могло быть сделано как следует, когда бы в обществе была выработана необходимая для этого и вытекающая из юридических идей и нравов народа теория» (В. – авторский псевдоним, Наши... 1881: 103).

Период с 1890 по 1905 год определен нами как реалистический – по преобладанию публикаций конкретного, фактографического, научного содержания. Вопросам крестьянской жизни посвящена 71 публикация (12,7 % по теме «Общество и экономика» и 3,9 % всего тематического тезауруса). Из 71 единицы анализа лишь 8 материалов отведено краевому описанию; 5 единиц носят характер научных обзоров, посвященных проблемам наиболее успешной организации сельского хозяйства; 6 публикаций освещают историю крестьянского вопроса в России; 7 – посвящены финансовой политике, налогообложению и оплате труда в земледельческой отрасли хозяйства; 8 – связаны с описанием и определением социального статуса земледельцев и землевладельцев.

В 1906–1918 годах (III период) российское общество политизировано более чем когда-либо, и на передний план выступила такая субтема, как «Внутренняя политическая жизнь». Однако «Вопросы крестьянской жизни» сохранили свою важность для интеллигенции (12,9 % по теме «Общество и экономика»). В этот период трудно определить преобладание интересов в области крестьянской жизни – немного обо всем, но добавляется обсуждение крестьянского вопроса в связи с работой Государственных дум. Мы вновь сталкиваемся с личностным оценочным характером работ. В 1915 году в редакционной статье отмечалось: «Все теперь жаждут познать Россию. Мы стараемся внимательнее взглянуть в лицо родины. Теперь, когда нам так дорого все родное, самое время – интересоваться душой народа. Широкому кругу интеллигентных людей почти неизвестна та новая крестьянская психология, которая создавалась за последнее десятилетие» (Поэзия... 1915: 12). В журнал «возвращаются» идеи, обращенные к народу. С одной стороны, они принимают более агрессивный характер по сравнению с народническим периодом, с другой – реалистическое наполнение понятия «народ» выхолащивается, абстрагируется: от «служения» людям к манипуляции понятиями.

Для текстов, определяющих портрет интеллигенции в 1880–1890-х годах, типичными являются характеристики: тоскующая; скукающая; в самом нелепом положении; романтически настроен-

ная душа; главнейшая вина русской интеллигенции; замирание сердечное; совершенные иностранцы в родной земле; чуткая душа; запросы совести; форма свободной человечности; пролетарии умственного труда. Из всех авторов I периода, максимально представленных по разным параметрам, самыми репрезентативными являются Г. И. Успенский и Н. В. Шелгунов, две мощные фигуры психографов интеллигенции. Однако ни сами они как авторы, ни их концепции интеллигенции не перешли в следующий период. Видение ими интеллигенции было более связано с осмыслением прошлого, народнического, опыта и не предлагало перспектив.

Основная, каноническая для каждого периода психография интеллигенции дополняется альтернативной, апокрифической, представленной авторами, которые перейдут в следующий период, где их представления об интеллигенции сделаются в свою очередь основными, более адекватными самопредставлению интеллигенции следующих лет. «Шелгуновско-успенская» психография дополняется влиянием более бодрого, оптимистического видения интеллигенции. В 1880–1890-х годах такими пока еще апокрифическими характеристиками выступают: страстная любовь к делу; энтузиазм; терпение; глубоко-радостное чувство; потребность в творчестве оригинальных либеральных идей; самое заботливое внимание. Этот образ интеллигенции связан с именами людей, которые станут основными авторами и психографами интеллигенции в 1891–1905 годах: В. А. Гольцев, редактор издания, публицисты и писатели – Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. И. Эртель, В. И. Семевский, Л. А. Камаровский, П. Д. Боборыкин.

Боборыкин занимает в журнале особое место, что объясняется его исключительной литературной плодовитостью и долголетием, а также тем, что он популяризовал термин «интеллигенция» и был одним из главных ее психографов в русской литературе. Ему удастся создать литературный психотип интеллигенции «как самой образованной и лучшей части общества», что находит отклик и в публицистике 1891–1905 годов в таких выражениях, как «духовная интимность»; «молодежь бодрее и сознательнее смотрит на жизнь»; «умственный и нравственный подъем»; «образованная женщина всего скорее оздоровит и облагородит нашу семейную и общественную жизнь»; «уверенность русских в своем превосходстве». Кроме того, именно в этот период «малых дел» в журнале увеличивается количество публикаций, посвященных актуальным вопросам повседневности – экономике, образованию, здравоохранению.

нению и т. п., что свидетельствует об адаптивности интеллигенции к социально-экономическим обстоятельствам, понимании своей практической полезности.

Однако Боборыкин с его психологическим портретом интеллигенции не выходит за пределы I и II периодов. Параллельно с оптимистическим образом интеллигенции в журнале зарождается другая тенденция, которая станет определяющей в «веховский» период. Апокрифическая характеристика интеллигенции 1891–1905 годов: упадок нравов в творчестве; необходимость общей нервно-психической гигиены; аскетические недуги нашей интеллигенции; дилетанты, любители; общество точно одичало.

Эта линия связана прежде всего с творчеством А. П. Чехова, который не считал интеллигенцию лучшей частью общества. Чехов оказался предвестником «Вех», канонической фигурой для III периода, когда в критике интеллигенции и призыве к рефлексии формируется ее канонический образ, отбираются и входят в этот канон наиболее значимые в художественном, публицистическом, идейном смысле тексты журнала. В данный период определяется представление об интеллигенции начала XX века, которое и составляет основу ее самоописаний, классической психографии, представленной статьями сборника «Вехи» (1909–1910 годы). В интеллигентском познании поиск истины замещен отстаиванием социальной справедливости; героизм русской интеллигенции демонстративный, поверхностный; ее самосознание сужено набором стереотипизированных социальных идеалов; русская интеллигенция недостаточно рефлексивна; она недисциплинирована, незаконопослушна, не уважает права личности; интеллигенции свойственны отщепенство, отчуждение от государства и враждебность ему.

В журнале «Русская мысль» в этот период (в отличие от 1880–1890-х годов, когда «пессимистический» взгляд на интеллигенцию дополнялся «оптимистическим») не возникает никакой другой характеристики интеллигенции. Сутью подобной канонической психографии становятся самообвинение, самоотрицание интеллигенции, признание нелегитимности всей своей деятельности и отщепенства от народа и государственной власти.

Психологический портрет интеллигенции, ее психография отражают дискурсивный процесс становления интеллигенции как социальной общности. «Каждое общество имеет свой режим правды, свою “общую политику” правды, а именно: типы дискурсов, кото-

рые оно принимает и заставляет функционировать как правда; механизмы и требования, которые позволяют разграничивать истинные и ложные высказывания; техники и процедуры, предоставляющие ценность в принятии истинности; статус тех, которым дается право говорить, что признается в качестве правды» (Барт 1989: 131).

Поскольку к наиболее фундаментальным характеристикам дискурса относят функциональность, обусловленность культурой и иерархическую организацию (Иванченко 2004), то особенность социально-психологического дискурса состоит в том, что он протекает в групповом контексте и производится группами членства. В нашем случае социально-психологический дискурс формирует и самоопределение группы участия интеллигенции. При этом она выступает как дискурсивная общность, реальными членами которой были профессора, гимназисты, чиновники, дворяне. Интеллигенцией они становятся, включаясь в определенный контекст и порядок речи – как авторы и читатели журнала. Характер дискурса русской интеллигенции, представленного «Русской мыслью», определяется занимаемой журналом политической нишей – печатный орган русского либерализма. В «Русской мысли» отмечалось: «У нас журнал являлся и до сих пор является политическим учреждением» (Неверов 1881: 1). Действительно, внутри дискурса интеллигенции журнал являл собой наиболее четко организованную либеральную политическую фракцию, представленную индивидуализированными размышлениями о судьбе русской интеллигенции и страны, ориентированную на просвещение, постепенное развитие личности, но не стремящуюся к радикальным немедленным действиям.

Либеральные ценности: толерантность, свобода в высказываниях, уважение к человеческой личности – постулировались с самого первого номера. Главной темой либеральной интеллигенции всегда оставались размышления о народе и о себе. Данная проблематика – сквозная для всех периодов издания, она присутствует в большинстве публицистических статей. Либерализм представлен в журнале не как совокупность политических акций, лозунгов или мероприятий, а как ментально-смысловое образование, объединяющее различные дискурсивные практики общей аксиологией. «Русская мысль», таким образом, выступает как социокультурный институт, конструирующий и отражающий ментальность русской интеллигенции, объективирующий ее психологию.

Анализ содержания «Русской мысли» позволяет выделить следующие фазы развития либеральной идеи в журнале:

1. Апокрифическая (1880–1890-е годы, редакторы С. А. Юрьев и В. А. Гольцев). В это десятилетие, характеризующееся «эклектической широтой», происходит рефлексия народнического опыта, взглядов западников и славянофилов («Ни в одной стране не было такой жаркой борьбы в науке и литературе между приверженцами национального и космополитического направлений, как в России: борьба между западниками и славянофилами продолжалась, продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока ученые не отбросят старых партиозных предрассудков» [Одарченко 1881: 266]). Здесь закладываются основы толерантности, либеральной традиции («...В нашем быту и в нашем положении столько существенных особенностей, что у нас есть истинная потребность в творчестве оригинальных либеральных идей» [Наши... 1881: 103–104]) и воспевания русского народа. В статье Ф. Щербины «Задачи русской общественной мысли» (1881: 181) отмечалось: «Преимущества русского народа перед некоторыми другими народностями в том именно и заключаются, что жизнь его богата такими общественными формами и отношениями, в основе которых лежат высшие человеческие принципы, основные начала общественной справедливости».

2. Предканоническая (1891–1905 годы, редактор В. А. Гольцев). В этот период консолидируется круг авторов и мировоззренческих установок, нехудожественные тексты этих лет фактически и концептуально разнообразны: «Текущее десятилетие, заключающее в себе конец только что прошедшего и начало только что наступившего века, внесло в нашу литературу три новых идеи, между которыми нет ни одной самостоятельной, а все заимствованные с запада – марксизм, нищезанятие и декадентство. Первый уже до дыр износился, второй явно расползается по швам, и только относительно третьего существуют еще сомнения: хлам это или вещь, для которой можно найти полезное употребление» (Протопопов 1903: 174). Многие тексты ироничны: «Я должен заметить, что уверенность русских в своем превосходстве, несколько поражающая откровенно наивностью своего проявления, присуща только культурным массам. Те джентельмены, которые называются здесь мужиками, совсем не интересуются вопросом о первенстве среди народов» (Станюкович 1896: 176). Внутри журнала разворачивается диалог: Толстой и Чехов, Толстой и Стендаль,

Ницше и Достоевский, Пушкин и Мицкевич, Сенкевич и Бисмарк. Публикуются переводы зарубежных ученых.

3. Каноническая (1906–1918 годы, редактор П. Б. Струве). Агрессивность нового редактора проявлялась в призывах к рефлексии, к отказу от «направлений» в литературе и публицистике: «О “партийном” характере не только беллетристики, философии, литературной критики, но даже сколько-нибудь углубленной, сколько-нибудь философской публицистики странно говорить... Русская национальная литература, и в том числе наша журналистика, должна не только не укладываться в новые рамки партийности; она должна разорвать и старые традиционные узы “направленства”». На страницах «Русской мысли» выкристаллизовались идеи сборника «Вехи» – программного документа русского либерализма. Сотрудники журнала П. Н. Милюков и В. Д. Набоков вошли во Временное правительство; А. А. Кизеветтер, П. Б. Струве – руководители кадетской партии («Вся история последних лет представляет курьезнейший пример, как социал-демократы постепенно переходили на кадетские позиции и в то же время ни на йоту не сбавляли агрессивного антикадетского тона» [Изгоев 1910: 111]). Взросшее количество публикаций темы «Персоналии» воплощает программу по воспитанию личности, выдвинутую в 1880 году. Внутрижурнальный диалог, заложенный в 1890-е годы, реализуется не только в обсуждении на страницах литературоведческих работ, но в диалоге «реального» времени с публицистами своего журнала, а также в полемике журнала как единого «мы» – с обществом.

Революция, война на Балканах, Первая мировая война перевели полемику из области взаимоотношений интеллигенции с народом в область обсуждения национальной идеи, которое ведется в разных направлениях. В исторической науке новые методологические приемы позволяют по-новому осветить национальный вопрос. «Если прежде под национальностью разумелись известные прирожденные особенности народного характера и само понятие народа принималось в смысле кровного, племенного единства, то теперь понятие нации стало конструироваться как понятие чисто историческое... Единство культуры – такова материальная основа современных наций» (Сыромятников 1906: 95–96).

Необходимость обретения национальной идеи затрагивается при обсуждении внутренней национальной политики. В ответ на выступления ряда депутатов III Государственной думы («все должности должны заниматься русскими...»), «земля туркестанских кир-

гизов или кавказских народов, если она понадобится, должна быть без дальнейших разговоров отнята...») один из ведущих авторов «Русской мысли», А. С. Изгоев, иронично замечает: «Так как официальное православие, даже при полном содействии полицейской власти, не может завоевать народную душу и дать ей прочную моральную опору... русский человек остается неверующим...» (1908, № 5: 136).

Вера и единение славянских народов – основа, на которой может строиться будущее русского народа: «Православие не может быть рассматриваемо как национальная или даже расовая вера, в многоплеменности его внешним образом выражается его вселенский характер. Не намечается ли новая культурная эпоха, эпоха нового византизма, не вливается ли новая закваска в старое бродило цивилизации? Невольно взоры всего православного мира устремляются на купол святой Софии, которая некогда его объединяла» (Булгаков 1913: 144–149). В этом же номере публикуется ответ В. Соколова С. Булгакову: «Можем ли мы надеяться на народный религиозный гений? Современность говорит о безмерно растущем хулиганстве деревни, о том, что и там, не только в интеллигенции и городе, выбрасывается из жизни все святое, развивается оргия эгоизма, дикость, скотство» (1913, № 7: 107).

В ходе этой дискуссии актуализируется такая категория общественного сознания, как «национализм», которая и определяет всю дискурсивную практику русской интеллигенции: «Лишь поднявшись до национализма, русский народ мог выйти за свои пределы и почувствовать жизнь и интересы других славянских народов как свои собственные. Та основная ценность, во имя которой начата наша война, есть историческая роль русской народности, которая в своем росте вышла за пределы племенного своего бытия и стремится к мировой роли» (Муретов 1915: 11).

В. С. Соловьев, П. Н. Милюков, Д. С. Мережковский, Е. Н. Трубецкой выступали против идеи национализма (хотя стремление последнего к святой Софии – тоже одно из проявлений этой концепции), которая позиционируется как эрос в политике: «Национализм теоретический, т. е. философское учение национализма, может и должно состоять в оправдании этой любви-пристрастия, в оправдании Эроса в Политике, как силы творческой, как того состояния, в которое впадает душа народа, когда, одержимая великим гением, она хочет рождать» (Он же 1916: 67).

Трубецкой предупреждал Струве и Бердяева о «темном могуществе тех сил, перед которыми они преклоняются» (1917. № 1: 94), однако Струве считал, что Трубецкой принижает понятие «политический эрос»: «Любовь к своему народу и государству есть стихия не “эротическая” в вульгарном смысле... В любви к народу и государству выражается бескорыстное, преодолевающее заботу о личном благополучии, религиозное отношение к сменяющему друг друга бесчисленному ряду человеческих поколений...» (Струве 1917: 102).

Либеральная программа «Русской мысли» психологизирована, поскольку главным ее основанием является саморазвитие личности, синхронность изменений общественных и личностных, поскольку социальные преобразования без изменений человека совершенно бесполезны. Принятая интеллигенцией задача по адаптации западных схем развития (религиозных, конституционных, правовых) в России требовала постепенного их усвоения, просвещения и воспитания народа с учетом национальной культуры, социально-экономической среды. История показала, что другие политические концепции не имели намерений соизмерять социальные изменения с человеком, в действительности преобладали макропроекты, где человек «как-нибудь приложится». Либеральный дискурс – порядок речи, вводящий поправку человека в социальные изменения, предлагающий не ломку и строительство личности, но ее принятие и рефлексию. Мы стали свидетелями того, что история повторяется, поскольку базовый ценностный слой – ментальность – остался пока что неизменным.

Литература

Барт, Р. 1989. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс.

Берг, М. 2000. *Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе*. М.: Новое литературное обозрение.

Бердяев, Н. А. 1910. Русский соблазн. *Русская мысль* 11.

Булгаков, С. 1913. Три идеи. *Русская мысль* 2.

В России и за границей. 1910. *Русская мысль* 11.

Гуревич, А. Я. 2005. Позиция вненаходимости. В: Гуревич, А. Я. (ред.), *Одиссей: Человек в истории* (с. 122–130). М.: Наука.

Елпатьевский, С. Я. 1901. Рассказы о прошлом. *Русская мысль* 12.

Иванович, И. 1898. Охота на зайцев. *Русская мысль* 10.

Иванченко, Г. В. 2004. Дискурс толерантного и интолерантного субъектов. В: Леонтьев, А. А., Леонтьев, Д. А. (ред.), *Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики* (с. 44–56). М.: Смысл.

Изгоев, А. С.

1907. Общественное движение в России. *Русская мысль* 1.

1910. На перевале. Что делать? *Русская мысль* 4.

Кондаков, И. В. 1999. К феноменологии русской интеллигенции. *Русская интеллигенция. История и судьба* / сост. Т. Б. Князевская (с. 63–90). М.: Наука.

Мамардашвили, М. К. 1992. Интеллигенция в современном обществе. В: Мамардашвили, М. К. (ред.), *Как я понимаю философию* (с. 329–336). М.: Прогресс.

Муретов, Д.

1915. Правда нашей войны. *Русская мысль* 6.

1916. Этюды о национализме. *Русская мысль* 1.

Наши великие экономические вопросы. 1881. *Русская мысль* 5.

Неверов, С. 1881. Очерки иностранной журналистики. *Русская мысль* 2.

Одарченко, К. Ф. 1881. Русская крестьянская община в связи с народным характером. *Русская мысль* 2.

Поэзия миллионов людей. 1915. *Русская мысль* 11.

Протопопов, М. А.

1893. Письма о литературе. *Русская мысль* 5.

1903. Письма о литературе. *Русская мысль* 9.

Станюкович, М. К. 1896. Картинки современных нравов. *Русская мысль* 2.

Струве, П. Б. 1917. Национальный эрос и идея государства. *Русская мысль* 1.

Сыромятников, Б. И. 1906. Основные моменты в развитии исторической мысли. *Русская мысль* 12.

Шкуратов, В. А.

1997. *Историческая психология*. М.: Смысл.

2006. Интеллигенция в проекте современности. *Логос* 6: 243–252.

Щербина, Ф. 1881. Задачи русской общественной мысли. *Русская мысль* 3.